

Арсений Гончуков

ПАРК ЖЕЛАНИЙ

Рассказы из будущего

Содержание

20 граммов.....	2
Дед.....	6
Новый ребенок.....	10
Рано или поздно.....	18
Парк желаний.....	23

20 ГРАММОВ

Дорога убегала, извиваясь черной блестящей змеей, зазывая ехать дальше и дальше, в скучную бесконечность. Стоило ему посмотреть на Ксюшу, взгляд неизменно соскальзывал на ее голые коленки, тонкую линию между ног, чуть задрывшуюся зеленую юбку...

— Тебе мало? — сказала, не отрываясь от планшета.

— А ты не сиди так! И вообще... расскажи что-нибудь, а то я засну.

Ксюша медленно положила ногу на ногу.

— Смотри на дорогу, Кир. Хватит пялиться!

Когда чем-то увлечена — лучше не раздражать. Больше часа не отрываясь смотрела в глубину зависшего перед ней белого с легким розовым оттенком планшета из плотного светопластика, «материала без материала», как гласила реклама. Коснулась воздуха над экраном, перелистнула страницу. Вдруг подняла голову, вскинув очаровательный носик, невидяще уставилась на дорогу и начала читать — враскачку, как бы напевая:

— Оворобьело как-то я летаю, оголубело как-то я лечу... тропинку крестовидными следами... по снегу предпоследнему топчу...

Кир пристально посмотрел на свою девушку — что с ней?

— Не улетай, последняя синица... ещё немножко, милая, молю...

У Ксюши был красивый глубокий голос.

— Сиди на тонкой веточке столицы... и пой весну... на всю Москву... мою...*

Она замолчала, он посмотрел на нее.

— Так... И что это сейчас...

Ксюша резко повернулась:

— Ты понял хоть слово?

Прозвучало с вызовом.

— Нуууу... как тебе сказать... — капризно протянул Кирилл, — я понял слово «Москва», был такой город... лет восемьсот, кажется, назад... да? В двадцать первом вроде бы веке... А что? Что это было?

Ксюша смотрела на него большими карими и вдруг опустевшими глазами. Легонько стукнула кулаком по его худому бедру.

— Было... Что это было... Вот и я о том...

Он разглядывал ее зависший кулак с розовым маникюром и неожиданно облизнулся.

— На дорогу, Кир... — сказала задумчиво.

Скучные ярко-зеленые кусты и бурые деревья вдоль дороги сливались в смазанную грязную кашу. Расслабленная рука подрагивала на джойстике.

— Так что... что такое си... синица? — Кириллу хотелось поболтать. Ксюша с жаром заговорила:

— Ну вот слушай! Это безумно интересно! Вот там, в стишке, есть слова «оворобьело», «оголубело» и «синицы»... Это знаешь, что такое? Упоминания птиц! — Ксюша резко повернулась к нему, облокотившись спиной на дверь автомобиля. — Все это птицы!

— Птицы? Ну так я что-то про них читал... Но не про этих, видимо.

— А про каких? Оворобьело — это про воробьев... Оголубело про голубей... Синицы так и назывались, кажется...

— Ааа... — нахмурился Кирилл, — да, я что-то помню... Городские птицы? Жили в мегаполисах... Вместе с человеком как бы... В каком году их не стало?

— В смысле? Постепенно...

— Я про уход сверху... Дата завершения?

— Две тысячи... пятьсот пять... десят... — Ксюша прикусила розовый ноготок. — Не помню точно.

— Эх ты! Студентка! Будущий биоинженер! — засмеялся Кир.

— Ой, да иди ты! — ответила она резко и уставилась на дорогу.

Да что с ней сегодня? Снова сцепилась с Глазуновым на кафедре? Или Ирка эта ее, чучело пластиковое, опять сломалась... Или...

— Не помню дату ухода, — пробурчала недовольно. — Зато знаю, что с момента закрытия Москвы, древней нашей, так сказать, столицы, прошло не восемьсот лет, а девятьсот... Ты ошибся на целый век. Историк! Мы как, близко уже?

Ксюша прильнула к окну и посмотрела куда-то вверх.

— Опять буря. Башка будет болеть вечером...

Кирилл уставился на однообразную ярко-зеленую обочину, от которой слипались глаза и клонило в сон. Может, действительно магнитная буря? В них он не очень-то верил. Во всяком случае здесь, на планете Земля, самой спокойной из всех обитаемых.

— Синички, воробьи... Они весили всего двадцать граммов, прикинь? — вдруг воскликнула Ксюша. — Плюс, минус... Двадцать! Такие крошки, — она сделала ладошку ковшиком и поднесла ее к носу. — Воот такуусие! — лицо ее просветлело. — Весом как, не знаю... Как столовая ложка воды! Вот как?!

— А трусики? — спросил Кирилл серьезно.

— Что трусики? — не поняла Ксюша.

— Сколько весят? Снятые. Твои... Больше? Меньше?

— Балда.

Кирилл засмеялся.

На трассе начали попадаться дорожные знаки и редкая государственная реклама. Появились первые встречные машины. Одноглазые беспилотные автопоезда, горбоносые спальные микроавтобусы, гибридные легковушки... Кир глянул на часы — наступила первая декада дня.

— Подъезжаем. А ты про птиц-то к чему вообще? Вам задали?

— Да нет, просто... — Ксюша наклонилась и схватила губами прядь волос, привычка, из-за которой у ее правой щеки частенько висели влажные нити.

— Просто новый препод и спецкурс. Была лекция про экосистемы древних городов. И там было про крыс, тараканов... этих, ворон, воробьев, еще... голубей и... дебрисов... Знаешь, кто такие дебрисы?

— Не-а...

— Мусорные птицы. Раньше назывались, кажется, чай... да, чайки, а потом они мутировали в мусорных мегаполисах в отдельный вид. Изначально на водоемах жили, а потом... все... Ты, кстати, знаешь, что мутации у птиц могут занимать какие-то десятилетия? — Ксюша замолчала, взгляд ее стал равнодушным. — Короче, это было еще там, снаружи... Но даже дебрисов сейчас уже нет.

Трасса выпрямилась, встречных машин стало заметно больше. То и дело кто-то сигналил сзади, один раз их нетерпеливо облетели сверху. В паре километров впереди показалась черная с красными огнями вышка терминала приема транспорта. Табло под рукой Кирилла замигало — службы терминала забирали управление на себя, переводя автомобиль в режим парковки. Кир бросил джойстик, убрал руки с приборной панели. Через минуту деревья и кусты отключили, на длинных экранах по обе стороны дороги побежали приветственные надписи.

— Что-то я сегодня оворобьела... — сказала Ксюша.

— А я оголубел! — хмыкнул Кирилл.

— А, запомнил!

Ксюша порывисто обняла его. Дотронулась губами до его губ и Кирилл тотчас воспользовался моментом, поймал ее верхнюю губку, начал поцелуй...

Их прервал голос подлетевшего дрон-администратора, нужно было оплатить трассу, сдать коды доступа, разрешить перезагрузку бортового компьютера и покинуть транспорт.

Черные двери зоны прибытия схлопнулись за ними с мягким гидравлическим вздохом, словно сожалея о расставании. Еще двести метров по зеленой аллее до пневмолифта, 117 этажей вглубь земли — и они дома, в своем уютном гнездышке.

— О чем думаешь? — спросила Ксюша.

— Не скажу, — усмехнулся Кир. — ты будешь злиться!

— Начинает гудеть башка.

— Ну вот...

Вошли в аллею, она была спроектирована в этом месте для психологической разгрузки; приезжая, выходя из тоннелей после многочасовой езды, пассажиры вдыхали чистый воздух, ступали на дорожку, покрытую мягкой свежей травой, вокруг росли нежно-розовые, желтые, синие цветы, а дальше пышные кустарники и деревья... Под куполом ярко-синего неба с широкими мазками перистых облаков.

Они шли, держась за руки, но Ксюша как будто торопилась, казалось, настроение ее портится с каждым мгновением. Прошли аллею, вот уже ворота, гермокамера, за ней лифт. Вдруг Ксюша резко развернулась, Кир не успел затормозить и почувствовал плечом ее грудь. Ксюша осматривала аллею, как будто прощалась с ней, — дорожка, цветы, небо...

— А можешь отключить ее? — вдруг спросила она.

— Что отключить? — он не понял.

— Ну аллею. На секунду.

Ксюша кивнула на блок управления у основания ближайшего дерева: датчики и кнопки, вызов полиции, пожарных, медиков, а под ними, за стеклышком, крошечный голубой с зеленой полоской рычажок.

— Ну... как тебе сказать... за это нас могут забрать в отделение, — ответил Кир.

— Ты что, боишься?

Он сел на корточки, постучал костяшкой указательного пальца по стеклу.

— Да нет, конечно... Тем более с тобой...

— Тем более мы ни разу не ночевали в кутузке! Ну ты что? Рисковый перец или дряхлый дед? — крикнула Ксюша весело.

— Перец? Я? Серьезно? — засмеялся Кирилл. — Это в какой эпохе так говорили?

И тут он резко и неожиданно для себя стукнул кулаком по стеклышку, потянул рычажок вниз, после чего увидел, как белую ссадину на указательном пальце заполнила капля крови.

Кирилл встал, посмотрел на Ксюшу, замершую, как статуя, поднявшую лицо кверху, так что волосы полностью открыли его, бледное, обескровленное, с распахнутыми и оледеневшими глазами, в которых мелькало что-то знакомое, памятное по далекому детству...

Он взял ее за локоть, аккуратно, чтобы не повредить жутковатую каменную статую, и вместе с тем настойчиво, чтобы убедиться, что изваяние живо, после чего медленно, нехотя, уже зная, что увидит, повернулся и посмотрел вверх...

Вместо верхушек деревьев и чистого голубого неба он увидел то, что показывали ему давно и не раз, и чего он не хотел видеть... Как не хотело видеть большинство людей из семидесяти трех миллиардов, населяющих Землю.

За прозрачным куполом, в плотном мельтешении сероватых хлопьев, мерцало далекое и размытое, будто растворенное в кислоте, мутное солнце. Снег метался и кружился, шел бесконечным потоком, отталкивался от земли и вновь уходил плотной бурей ввысь, растворяясь в нависших грязно-желтых тучах. Если прищуриться и постараться не замечать мелкого сверкающего стекла, черного пепла, ошметков пластика и дерева, если не видеть разноцветной густой жижи летящих, кружащихся мусорных частиц, то можно попытаться представить, что за «окном» обычная зима, метель, буря... И зиму сменяет лето, и ночь сменяет день... Все, как в старинных книгах.

Кирилл отвернулся. Лучше смотреть на Ксюшу. Его девушка живая и настоящая, ее нельзя выключить и отменить. Она зрима, ощутима, вот она, дышит, источает тепло.

Вдруг Кирилл заметил, что слишком сильно сжал пальцами локоть, и ей, наверное, больно. Она посмотрела на него. Он снова увидел вихри темных частиц, которые кружились, отражаясь в ее глазах, но они были как будто больше, крупнее, чем несколько секунд назад. Кирилл бережно прикоснулся ладонями к ее лицу и тут же услышал, как нестерпимо орет сирена — сигнал серьезного правонарушения, каковым в их стране считается отключение визуального периметра.

ДЕД

С первого взгляда не сразу понимаешь, насколько он огромный. Я подошел к плакату, висящему на шкафу, почти вплотную. Из-за массивной ноги боевого робота испуганно выглядывала мордочка автомобиля. Кажется, Волга-7133 2412 года выпуска. Рядом парень с девушкой, он обнимает ее за плечи, и оба смотрят вверх. На лицах, собранных из кашицы розовых пикселей, редкая смесь — испуга и восторга.

Уверен, с таким же выражением стоял и я в комнате своей девушки и одноклассницы Мики. Эх, она девчонка, да и привыкла! А пятнадцатилетнего пацана такие громадные воинственные штуки потрясают до глубины души, намертво впечатываясь в память — черные, глубокого угольного цвета, и на голове-башне, на высоте пятиэтажного дома, алым горят узкие прорези глаз.

На самом деле Гранит-МТ 44/50, «полтинник», как называли его между собой водители, имел окрас серый, с отключаемыми темными защитными полосами. Тяжелый штурмовой робот предназначался для ведения боя в современных городских условиях, а потому маскировался под серую массу домов.

Со временем я узнал про него очень много. А на том плакате «полтинник» был сфотографирован на фоне светлого неба и, чтобы увидеть детали, нужно было внимательно присматриваться. Сдвоенные, как громадные копыта, ступни, каждая размером с малолитражный автомобиль. Мощные ноги (опоры), на которые приходилось около половины веса робота, так как одна из важнейших задач в бою — удержаться на них. Короткое туловище, покрытое слоем металлических контейнеров динамической защиты. На груди — четыре дальнобойных гипергалогеновых прожектора. Под ними — сцепленные листы брони из черно-серебристого сплава, способного выдержать прямое попадание нейтронного фугаса.

Машинерией тела управляла дюжина магнитоэлектрических двигателей на гравитационной тяге, их создавали специально для боевых роботов. Я рассматривал грудную поперечину с нависающими квадратными утесами плеч, к которым крепились длинные, увешанные крупнокалиберными пулеметами и ракетницами руки. Пальцы у него были величиной как раз, наверное, с меня. Шей у гиганта не было, на коротком шарнире крепилась голова-башня в форме усеченного сверху конуса — его отливали на заводе целиком, одной деталью. По кругу башню опоясывали прорези лазерных анализаторов и видеокамер. Гранит был многоглазый, как паук.

Я стоял перед плакатом в восторженном оцепенении, невольно повторяя стойку своего героя. Опора на правой ноге, левая назад, грудь выпячена, плечо вперед, руки чуть согнуты, ладони собраны в кулаки — поза бесстрашия, превосходства и готовности противостоять всем ветрам и опасностям. Я совсем растворился в своих фантазиях, как вдруг прожекторы Гранита вспыхнули все сразу — и ослепили меня! Я и не заметил, что в комнате, пока я стоял перед плакатом, стемнело, а загоревшиеся прожекторы — Мика вошла, включила свет — всего лишь блики на глянцевой бумаге.

— Ну ты где застрял? — Мика капризно встала на одну ножку, ткнув кулаками в худые бока, и посмотрела на плакат. — Залип?

Подошла, обхватила, прижалась, я потянулся, хотел поцеловать, но только неуклюже ткнулся в щеку. Мика шагнула к плакату, кивнула:

— Видал? Вот тут что.

Я присмотрелся и вдруг на переднем плане, внизу, под ногами Гранита, увидел среди руин то, на что поначалу не обратил внимания. Изломанные, растерзанные, обугленные трупы и останки солдат — 74 человека погибло в том историческом бою. Тела были разбросаны в тени, а поверх них, в нижнем правом углу плаката — Мика постучала по бумаге пальцем — я увидел размашистый автограф серебряным маркером.

Выпятил нижнюю губу, многозначительно покивал и, рассмотрев в каракулях какой-то полумесяц, схватил губами краешек нежного ушка Мики. Она ойкнула и отпрыгнула.

— Ты что! Щекотно! — и тут же схватила меня за руку и выдернула из комнаты. — Пойдем! Все за столом давно!

Стыдно, но в какой-то момент я чуть не заснул. Мика сидела за столом напротив и, как ни пыталась меня развеселить, строя рожицы и стреляя глазами, я сучал. Ногами под столом пробовала, но недотягивалась, да и боязно, все-таки торжественное застолье, священный праздник — День Прорыва.

Пытаясь сдержать зевок, я скрючился над столом, но чуть не нырнул в остатки крабового салата. Мика беззвучно засмеялась, никто из взрослых нас не замечал. В глазах стояли слезы, но я не спешил их вытирать. Я прикрыл веки, поднял подбородок и осмотрелся — фигуры людей расплывались розово-серыми пятнами, сверкала посуда, столовые приборы, блики от бутылок вытягивались пушистыми нитями... Как вдруг в глубине стола что-то вспыхнуло ярким пятном золотых, серебряных, алых, синих самоцветов из сказки...

Мне стало интересно. Я протер глаза — созвездие горело на маленькой черной детской фигурке.

— Псс! — позвала Мика, она тыкала пальцем туда, куда я смотрел, и вопросительно дергала вверх головой, но я не понял, чего она хотела.

Наконец, рассмотрел — мое наваждение было не чем иным, как россыпью орденов и медалей на парадном кителе ветерана, сидевшего рядом с отцом Мики. Асимметричная обсидиановая звезда с поперечной серебряной нитью, бирюзовый круг, видимо, символизирующий небо, с напоминающим реактивный двигатель рубином в центре. А еще серая медаль в виде стального щита с полосами, и — я узнал его — Большой Орден Прорыва I степени, инкрустированный сапфирами и бриллиантом. Вычурные, дорогие, сделанные под старину знаки отличия Второй киберквантовой войны 2441 года я хорошо знал по альбомам. Ветеран же показался мне настолько низкорослым и тщедушным, что я заподозрил в нем карлика. Особенно в сравнении с Микиным батей, Валерием Павловичем, здоровяком богатырского роста.

Над столом метался громкий, малопонятный спор, подвыпившие гости не говорили — кричали.

— И что они сделали, Советы твои, чтоб старикам помочь? Ну? Повышение пенсий — крохи! А патенты... патенты где?! — горячился Валерий Палыч, весь красный, с проступившими на лбу каплями пота.

— А я и не говорю, Лер, что они что-то сделали! — Софья по привычке называла мужа женским именем, и сама была ему под стать — высокая, крупная, с объемной прической. — Я о том, что... не те они люди, старики наши, чтоб у государства просить!

— Палыч! Соня! Вот мы говорим война... А за что воевали? Кто помнит? — вскочил Аркадий, дядя Мики, вытянутая в высоту, худая копия Валерия Палыча.

— Ой, Аркаш... перестань! Вон, спроси у Эдика, он рядовым всю войну прошел. Дважды горел, трижды подбит, этот-то помнит, небось... Да, Эд? — и Палыч наклонился к ветерану-карлику, которому очень шло короткое имя из двух букв.

— Эд! Слышь? Про тебя говорим! — кричали ему в самое ухо.

Кроха Эд хлопал глазами. Все засмеялись, и мы с Микой тоже. Ветеран, почти полностью глухой, едва ли понимал, о чем идет речь, только кивал клочковато-седой головой на цыплячьей шее. Большие блекло-голубые глаза добавляли комизма его облику — не глаза боевого ветерана, а добродушные, почти детские, чистые озера. Эд смеялся беззвучно, с открытым ртом, как бы спрашивая: а чего? а кто? а я тут при чем?

Отец махнул на него рукой. Хорошо, что не задел, а то убил бы.

— Нашел кого спрашивать! — закричал дядя, вскакивая в патетическом азарте. — Эдуард Анатольевич у нас идейный. Войну прошел! Да он бы еще пять войн прошел... Ему что — куда Совет отправит, туда и бахай!

— Это что значит... Туда и бахай! Аркаша! — кипятился Палыч и тыкал в Эда, чья голова казалась меньше его кулака. — Он воевал не за что-то, а по приказу! Приказ — знаешь такое слово?

— Зато теперь всеми технологиями владеют не корпорации, а Совет... А ты как хотел? — спросил Аркадий.

— Хотел... ну как-то... по справедливости. Если государство забрало технологии, то как раз должно бы и... или как? — замялся отец. — Ты видел списки, читал трофейные таблицы? Что забрали у Метакорпа? Квантовые двигатели, ядерные накопители, генераторы материи, гравитоны... Там сотни наименований, если не тысячи!

— Так в промышленность все и пошло! Кто от приватизации Метакорпа выиграл? Экономика! Население! — вдруг встряла Софья.

За столом на секунду замялись, но в разговор вступил грузный брат Софьи Сергей Сергеевич, заявив, что война не стоила сорока семи с половиной миллионов жертв, даже если треть из них биологически и юридически не совсем люди... Спор готов был уйти на новый виток, но, к счастью, отец отвлекся — Эдуард Анатольевич подал знак рукой.

— Что, бать? А? Выйти? — громкий голос Палыча вдруг стал нежным. Сын встал и вывел отца из-за стола.

Я смотрел, как бережно он повел Эда, положив одну руку ему на плечо, другой как бы защищая от локтей сидящих. Когда поравнялись со мной, отец Мики, заметив мое любопытство, добродушно подмигнул. Эд, шедший впереди, вдруг остановился за моим стулом. Я тут же развернулся, встал и схватил руку, которую протянул ветеран — сухую и прохладную. На меня смотрели совершенно выцветшие, но веселые глаза. В ответ я не мог не улыбнуться. Он кивнул головой и вопросительно посмотрел вверх на сына.

— Это друг Мики! Первый раз у нас! Вот, привела... — Палыч заулыбался, я посмотрел на Мику, ее лицо покрылось алыми пятнами, и, глядя на нас, она сползла под стол, накинув край кружевной скатерти на голову.

Дед кивнул мне и похлопал тяжелой рукой чуть выше локтя. В это мгновение я понял, кого мне напоминал Эдуард Анатольевич — бледную аквариумную рыбку-телескоп с выпученными глазами и бугристым лбом. Правда, в отличие от холоднокровной рыбы, дедушка Мики источал какую-то тихую светлую благодать.

Они двинулись дальше, и я понял, что не успел толком рассмотреть его китель.

— Слышь... — шепнула и дернула меня за рукав Мика, вдруг возникшая рядом, — Го на кухню целоваться! — и она вытолкала меня в коридор.

Я обнял ее, она повисла у меня на шее, и мы двинули на кухню, но вдруг я застыл как вкопанный.

— Ты что? — громко шепнула Мика и, не понимая, что происходит, проследила за моим ошарашенным взглядом.

Дверь в ее комнату была открыта. Там стоял полумрак, только в глубине горела настольная лампа. Ее свет мягко стелился по стенам и потолку, и с этого ракурса удачно падал на плакат. Темный на фоне синего неба, Гранит-МТ 44/50 смотрел на них из глубины комнаты через дверной проем — это было похоже на высвеченную в полумраке музея картину или образ в иконостасе.

Мика тут же затихла и прижалась ко мне.

— Это он? — испуганным шепотом спросил я.

Мика оттолкнула меня и звонко рассмеялась:

— А ты не узнал?!

На мгновение мне показалось, что робот пошевелился.

НОВЫЙ РЕБЕНОК

Пачка денег лежала в руке увесистым кирпичом. Прохладным куском мяса, отрезанным от туши животного. Рафаэль сидел на корточках у проржавевшего сейфа, спрятанного под кроватью. В конце 2470-х пластиковые деньги еще ходили, наличность не раз выручала население страны во время очередной войны. Раф держал в руке все, что они сумели накопить с женой за десять лет.

Он поднялся на ноги. Немолодой, худой, смуглый, седина мазками подкрашивала черную шевелюру. Взвесил в руке пачку и с глухим стуком шлепнул на стол. За окном который день шел дождь с фиолетово-зеленым отливом, нередко роняя с неба щепки и обломки. Время от времени на крышу что-то падало, задевало и подоконник. Лизу, конечно, тревожно было отпускать, но таксисты хорошо укрепляли крыши своих машин. Из окна над столом подтекало, тряпка лежала тут же, но уже мокрая. Раф подошел к раковине, открыл под ней шкафчик и, разворошив тонкие, но ветхие чистые полотенца, достал новую тряпку, которая пахла натрием, как и весь мир, особенно во время ливня.

Он закрыл шкафчик и вдруг заметил, что прямо за ним, на стене, сверху вниз протянулась длинная черная полоса. Посмотрел под ноги — лужа. Промокнул ее тряпкой, только после этого спохватившись, что здесь нужна половая. Шагнул было к ведру у двери, но вдруг замер. Его словно ударило — он увидел их дом, их общее с Лизой жилье разом, целиком, со стороны... Увидел и ужаснулся. Крошечный вагончик, обитый изнутри кривыми от старости синими листами фанеры, был всего шесть на четыре метра, и это на двоих взрослых; прихожая, спальня, кухня, гостиная, кабинет — на одном пятачке жилища. У входа, сразу за вешалкой, кровать полуторка, у стены напротив — крохотный кухонный гарнитур, состоящий из раковины, двух тумбочек и шкафов над ними, рядом кресло и до самой торцевой стены — узкая лавка со старым субсиликоновым матрасом, которую они называли тахтой. Наконец, у единственного окна стоял столик — и для обеда, и для глажки белья, и для работы. Когда оба были дома, казалось, что они дети и прячутся в картонной коробке, и если одновременно вставали, стены ходили ходуном, пол кренился, как палуба.

Раф закрыл глаза. Вся их полная то отчаяния, то смирения жизнь вдруг вспыхнула в памяти, словно брошенная на потухшие угли сухая щепка. Голова закружилась. Он взял себя в руки, шагнул к двери и едва не столкнулся с Лизой — она влетела, скинула капюшон и взглянула на него задорной детской улыбкой — ни почему, просто так, как она умела — искренне, радостно, как бы ни было беспросветно вокруг.

Чмокнула мужа в щеку, сквозь насыщенный натрием влажный дух Раф уловил родной ее запах — дешевая туалетная вода с лавандой. Лиза тут же заметила на столе пачку денег, бросила на Рафа настороженный взгляд и начала снимать защитный плащ. Он помог, любуясь ею: выгоревшие прозрачные ресницы, светло-русые волосы, темно-коричневые брови, им в тон веснушки и по контрасту — большие серые глаза. Жена слыла красавицей, Рафу в поселке завидовали. Пусть им уже за пятьдесят, но он привык к живым морщинкам на ее лице, а она — к кисточкам седины в его шевелюре.

Лиза посмотрела на мужа. Раф ответил на ее взгляд:

— Надо поговорить.

Доктору Штармайеру, во всяком случае, как хвастался он сам, исполнилось сто одиннадцать лет. Дважды в неделю он выезжал из поселка и отправлялся в самую

престижную в округе клинику долголетия. Каждые несколько лет процедуры обновлялись, появлялось что-то новенькое, но базовые компоненты оставались те же, принцип их действия не менялся: одни клетки организма замещались искусственно сгенерированными, в других процессы старения притормаживались препаратами, работающими напрямую с ДНК. Как шутил Самуил Григорьевич, улыбаясь полным ртом идеальных регенерированных зубов, с каждым годом он становился все более пластмассовым, но при этом все более живучим.

Вчера Раф и Лиза сидели в его кабинете и ждали, когда на служебный компьютер поселковой поликлиники загрузится федеральная база «Центра сна» — сети специальных клиник, рассыпанных по стране, практикующих фотозаморозку и хранение тяжелобольных пациентов.

— Е... ще раз... Каакой филиал? — спросил доктор Штармайер, скрывавший легкое заикание, расчленяя и растягивая слова.

— База показывает, где... — сказала Лиза.

— Да нет, я п... аанимаю, п... просто интересуюсь...

— В смысле, где он лежит? В Барнауле, точнее, в ста километрах от него.

Алтайский генно-технологический институт онкологии и выращивания органов. Мы туда отвезли, там были самые... нормальные цены.

На экране медленно ползла голубоватая линия загрузки.

Раф ощутил, что ладони стали ледяными и влажными. Лиза нашла их под столом и сжала, как две холодные рыбины.

— Де... десять лет, говорите... — доктор, сидя боком, не поворачиваясь к ним, растянул губы в подобии улыбки, снова показав зубы, как будто они ему мешали, — уже п... прошло? Коогда вы его клали?

— Уже. В октябре, — сказал Раф.

— А сейчас у нас ав... густ... Понятненько, ясненько... — тянул доктор слова, пока интернет тянул загрузку.

Когда на экране появилось изображение, Лиза вскрикнула и прикрыла рот рукой. Раф обнял ее, прижал к себе. Она не отводила глаз, смотрела на экран. Смотрел и доктор. Смотрел Раф, мгновенно потемневший, вытянувшийся, с ожившими желваками.

— Вот, — сказал Штармайер громко, не оборачиваясь к супругам. — Д... давайте глянем, что у нас тут.

— Господи... — вырвалось у Лизы.

— Все хорошо, с ним все нормально, — сказал Раф скорее себе, чем ей.

— С... смотрим на данные, — Штармайер открыл выпадающее меню. — Вот интерактивная медкарта, таак, с... сейчас...

— Там... там есть данные по дням, неделям, месяцам, но нужно смотреть суммарную аналитику, это слева, где красный флажок, — Раф говорил спокойно и тихо, опасаясь обидеть специалиста лучшим знанием интерфейса, но доктор только прищурился, кликнул иконку под красным флажком, и на экран поверх всех окон выпрыгнула таблица с десятками счетчиков, графиков и диаграмм — радиальных, вертикальных, горизонтальных. В этот момент по крыше клиники что-то глухо ударило.

Легким движением прикоснувшись к виску, запустив запись, доктор приблизился к монитору. Лиза уткнулась лбом в плечо мужа. Штармайер начал бормотать:

— Сос... стояние нормаальное... костные ткани, мышцы, эпидермис, кровь... Вез... где норма. Слизистые, ф... флора кишечника, мозг, оп... пухоль... — доктор задумался,

потянул губы. — Оп... опухоль тоже, грубо гов... воря, никак... никак... ких изменений. Электромагнитная кар... рта, иммунная систеема, импульсы биор... ритма, биологический фон, молекулярный риитм то... тоже... хм... хм... Сслушайте! — доктор щелкнул мышкой, закрыв табличку, крутанулся на кресле и впервые повернулся к родителям всем телом. — Его организм в порядке! Уровень сох... хранныости высочайший! Беспокоиться не о чем совершенно!

Штармайер сверкнул улыбкой. Раф посмотрел на его зубы и замер. Лиза не отрывалась от монитора, в ее глазах стояли слезы. Когда-то давно всероссийский «Центр сна» создал специальный портал, в личном кабинете которого любой родственник мог видеть видеотрансляцию из капсулы своего «спящего». И сейчас Лиза не отрываясь смотрела на своего пятилетнего сына Диму, одетого в синий пластиковый комбинезончик, свернутого и скрепленного жгутами в позе эмбриона, погруженного в раствор, с торчащими трубками...

Их единственного сына со страшным диагнозом неоперабельной опухоли заморозили десять лет назад.

— С... с... срок з... за... канчивается... — сказал доктор.

— Мы знаем, — сказал Раф.

— Спасибо, Самуил Григорьевич. Спасибо вам, — сказала Лиза, встала, коротко жала его плечо, доктор перехватил и прижал ее ладонь, Раф тоже поднялся, вымученно улыбнулся, кивнул, протянул руку.

— Спасибо за помощь.

Своего компьютера у них не было, как и оплаченного доступа в личный кабинет. Машины не было подавно — супруги стояли под козырьком клиники, ждали такси, хотя дождь вроде бы успокоился. Прямо на дороге перед крыльцом валялась кривая, будто жеваная, железяка, явно прилетевшая сверху. Раф курил стик-сигарету.

— Зачем мы сюда приехали? — горько усмехнулся он.

Лиза промолчала.

— Чтобы... — он едва не захлебнулся дымом, — попрощаться?..

Раф стоял к ней вполоборота. Лиза толкнула его в плечо, да так сильно, что он крутанулся и ударился о дверь. В ту же секунду почувствовал, как она с силой схватила его за ворот плаща. Бледное лицо Лизы было совсем близко.

— Никогда не смей так говорить. Никогда. Или я не знаю, что сделаю...

Он хотел прошептать «Прости», но не решился даже шевельнуть губами.

Срок заканчивался. Они прекрасно это знали. 20-го октября неостребованное тело их сына утилизируют и переработают в безымянный биоматериал — согласно первому пункту раздела договора «О неуплате». И Лиза, и Раф чувствовали приближение чего-то ужасного, катастрофического — их охватывало невыносимое ощущение, невозможная смесь боли, паники, неизбежности и необходимости принять решение. Они не были к этому готовы.

Десять лет Лиза пыталась забеременеть — тщетно. Бог послал им первого и единственного ребенка, других не давал или... как ей иногда казалось, таким образом ставил им определенное условие: требовал, чтобы супруги спасли сына.

Было ли это возможно?

Они пытались. Десять лет отказывая себе в самом необходимом: жилье, еде, одежде, технике, отдыхе... Работали, работали, работали, копили, копили, копили.

Собрать удалось семьсот двадцать тысяч рублей.
Не хватало чуть менее трети. Но взять их было неоткуда.

Над землей расплзался золотисто-розоватый туман. Дождь ослабевал, почти прекращался и неизменно начинался снова. Раф отвернулся от окна, но посмотрел не на Лизу, сидевшую напротив, а в свою чашку с чаем, и снова замер. Через мгновение вздрогнул от удара — Лиза грохнула по столу пачкой денег. Чашка звякнула.

— Убери их в сейф, пожалуйста. Это десять лет нашей жизни, — сказал Раф.

— Больше, — возразила Лиза.

Дверцу сейфа всосало, Лиза набрала код, кнопки отозвались слабым сигналом севшей батареи. Раф знал пароль наизусть. Вторая часть — день рождения Димы. Первая — в обратном порядке написанная дата, которую помнили все раковые больные на планете.

Казнь в прямом эфире центрального российского телеканала «СовТВ» стала событием, за которым следил весь мир. Ученые открыто, не без глумливого удовольствия, демонстрировали прорыв биотехнологической науки. Расправу придумали военные, при министре обороны Рогове они полюбили такие эксцентричные презентации, но в этот раз руководство профильной лаборатории сопротивлялось не сильно — все понимали значимость происходящего.

Торжественная казнь состоялась 23 марта 2447 года. Восторг. Слезы радости. Счастье. Сотни миллионов вспыхнувших огоньков надежд. И самый популярный заголовок мировой прессы: «Русские в прямом эфире впервые в истории человечества «казнили» раковую клетку 2Т».

— Ты есть будешь? — спросила Лиза.

— Нам надо что-то решать... — после паузы ответил Раф.

— Это понятно, но поесть тоже нужно.

Досконально зная скудное домашнее меню, он снова отвернулся к окну. Плотная завеса мелкого дождя с сине-фиолетовым отливом зависла над темной травой. На треть состоящая из растительного пластика, она стойко переносила токсичные осадки.

Почему-то Рафу хорошо запомнился заголовок, прочитанный в мелкой религиозной газетенке: «Люди отняли у Дьявола его любимое оружие. Раковые клетки второго поколения побеждены!»

Любимое оружие дьявола. Сильно сказано. Страшнее оружия дьявола против человека, наверное, только оружие человека против человека.

Даже изобретение стопроцентно эффективной вакцины, способной «выключить» клетку вирусного рака маркировки 2Т, обернулось не всеобщим счастьем и здоровьем, как можно было ожидать, а десятками локальных конфликтов, двумя войнами, экономическими санкциями, ростом преступности в медицинской сфере, беспрецедентной коррупцией, акциями протеста, и в итоге — небывалым ростом цен: препарат стал доступен только богатым.

Нет, надежда у заболевших оставалась. Но она требовала невероятного мужества, терпения и огромных денег.

Перед Рафом появилась тарелка супа и ложка. Два кусочка хлеба. Бутылка ароматной розоватой воды.

— Я не стала сильно разогревать.

Он опустил ложку в жижу и начал есть, не чувствуя запаха и вкуса. Дождь припустил сильнее, начал колошматить по кровле с таким звоном, что Рафу в который раз показалось, что это не крыша дома, а жестяная шапка у него на голове.

Поднял ложку и посмотрел в окно. Уже вечер. Смеркается. Надо решать. На стекле проступали очертания комнаты и его лицо — смуглый подбородок, плоский нос, темная шевелюра.

На момент изобретения вакцины сколько нас на земле было? Сорок три миллиарда? Или уже сорок четыре? Неважно. После завершения Россией успешных испытаний на людях, лекарство появилось сразу во всех странах, что не удивительно: разработка вакцины против 2Т велась в большинстве государств много лет. Но никто, никто не мог построить заводы и наладить производство мгновенно. Понадобились годы. А смерть никого не ждала, забирая положенные ей миллионы жертв.

— Раковых больных... раковых родных... — шептал Раф под дробь дождя.

— Что? Я не слышу, — Лиза лежала на кровати с книжкой, светящейся под торшером.

Последние столетия экология ухудшалась, а химическая промышленность развивалась. Численность населения увеличивалась, еды нужно было все больше, решить проблему могла только прикладная наука, которая шла на все более дерзкие и опасные эксперименты, типа «придать коже апельсина упругость хитинового покрова паука» — и это был еще самый невинный.

Генные, биотехнологические эксперименты и спровоцировали появление нового типа вирусного рака, который ученые называли «раком со встроенным ВИЧ».

Количество больных за сто лет увеличилось в четыреста раз. Сегодня болен каждый пятый, каждый десятый в неоперабельной форме.

Людям в массе своей наплевать на экологию. На ядовитую траву. На фиолетовый дождь. На розовые облака с желтыми подпалинами. Даже на падающие с неба обломки. Не наплевать им только на одно — на умирающего близкого человека.

Сколько миллионов погибло от 2Т после телешоу, в котором «казнили» раковую клетку? Сволочи и показушники! Как они могли, как смели показывать чудеса излечения, когда до выпуска лекарства должны были пройти годы? Зачем?!

Раф шумно соскребал остатки жижи со дна тарелки.

Бизнес не стал ждать, крупные корпорации, и не только фармацевтические, сориентировались быстро, запустив проекты по сбережению тел неизлечимо больных. Кто по показаниям мог не дожидаться лекарства сейчас, после фотозаморозки получал возможность «постоять» в очереди пять, десять, пятнадцать лет.

Телосберегающих компаний расплодилось сотни. «Центр сна» объединил их в одну, монополизировав рынок. Сохранить тело родного человека стало просто. Но очень дорого.

Раф щелкнул стаканом по столу, скovyрнул большим пальцем каплю с подбородка, резко отодвинул пустую тарелку.

— Спасибо. Вкусно.

— Врешь ты все. На здоровье.

Лиза взглянула на него, но Раф отвернулся к зеркалу окна. На улице стемнело. Серая бетонная стена здания напротив отсвечивала розовым.

Лиза подошла и протерла тряпкой стол, Раф не оборачивался.

Щелкнул выключатель, под потолком загорелась слабая желтая лампочка, и тогда он посмотрел на жену. Она стояла в центре вагончика, полная решимости, свет падал сверху, глаза в тени. Их взгляды встретились — ни он, ни она не отвернулись. Лиза улыбнулась.

— Что будем делать, муж?

— Да... Я как раз... — и вдруг он замялся, опустил взгляд. Лиза продолжала смотреть на него застывшими сухими глазами. Нельзя плакать, нельзя плакать, я не должна... — пронеслось у нее в голове. Раф снова посмотрел на супругу, и ей показалось, что его лицо посветлело.

— У нас очень простой выбор, Раф, — решила она и заговорила живо и легко. — Хотя на самом деле выбора у нас с тобой никакого нет. Вопрос в другом. И я думаю, что знаю ответ...

— И в чем вопрос? — не понял он.

— Начнем с ответа! Мне кажется, так жить больше нельзя, — сказала она твердо и громко.

Его будто ударило легким разрядом тока, но он не подал вида. Она говорила ровно то, о чем думал он сам.

— Мы превратили свою жизнь в какой-то кошмар... Мне кажется... — усмехнулась Лиза, осматривая вагончик, будто видела его впервые, — нам с тобой уже не сорок и мы так долго не протянем. Мы ничего не накопим. Все, что мы с таким трудом сэкономили, опять уйдет на его содержание, еще на семь лет. Но прошло уже десять, и вряд ли в обозримом будущем препараты от Т2 станут доступнее. Ну, я лично уже на это не надеюсь. И я все поняла, знаешь, наверное... когда... два года назад, помнишь, Советы закрыли последнюю правительственную соцпрограмму «Доступное излечение»?.. Это конец, Раф, — закончила она глухо и тихо.

Он смотрел на нее не отрываясь и ловил каждое движение.

— Раф, нам нужно как-то принять реальность... У нас нет квалификации, необходимой для получения городской визы, а в поселке работы с каждым годом меньше. Мы не можем бесконечно лишать себя простых человеческих условий, элементарных удобств, я даже не говорю про какие-то радости, бог с ними... Мы готовы отказаться от всего, от всего! Но ради... — она запнулась, — ради Димы, чтобы он жил — да. Но ради... пустоты?.. Ведь всех наших усилий хватает только, чтобы содержать его в вегетативном состоянии. Мы так долго надеялись, что сможем заработать, накопить, или... терапия станет дешевле, но в итоге мы просто... мы...

— Мы потеряем друг друга. — вдруг подхватил Раф и Лиза вздрогнула. Ее будто толкнули. Она шагнула, отодвинула стул и села за стол по центру. На клеенку упала слеза.

Раф поднялся, зашел ей за спину, положил руку на голову — Лиза любила, когда он так делал, накрывая ее, будто тяжелым покрывалом, — и его ладони стало тепло и мягко. Жена старалась плакать беззвучно, он чувствовал ее вздрагивающее тело.

— Я не хочу терять тебя, — сказал Раф и через мгновение услышал ее тоненький голосок — Лиза тихонько выла.

Он положил руки на трясущиеся плечи, сжал длинными ладонями, нащупав тонкие косточки ключиц. Слезы капали на клеенку с легким дождевым звуком. Лиза плакала, но улыбалась, это было странно, но запретная сдвленная радость сквозь слезы — вдруг, впервые за долгие месяцы, — дала ей почувствовать забытое облегчение и свободу.

Руки Рафа соскользнули с плеч жены и тихо нырнули в декольте теплого домашнего платья. Ладони пошли вниз, он почувствовал, как ткнулись в них мягкие соски, и затем бережно взял ее грудь — как большие прохладные капли, заполнившие горсти. Нежно, но сильно, как она любила, сжал, и Лиза откинула голову, прикрыла залитые слезами глаза и глубоко вздохнула... Но уже через мгновение отбросила его руки, вскочила, развернулась — стул с грохотом упал — взяла Рафа за грудки и ему показалось, будто рот накрыли раскаленной кислородной маской. Он улыбнулся этому ощущению и упал назад, на стоящую у стены тахту, и дальше начался сумбур ног, рук, волос, объятий, поцелуев, покусываний — до боли. В такие моменты они проваливались в общий вихрь, лихорадку, беспмятство и ничего не слышали, и не могли остановиться, что в восемнадцать, что в пятьдесят лет.

Сигарета согревала пальцы, Раф затягивался, а на выдохе поднимал руку и как будто рисовал в небе. Лиза, закутанная в халат, прижималась к нему.

— Ну вон же! Вон! Линия наискосок... — раздражался он.

— Где? — не понимала она.

— Ну вот, ну видно же прямо...

— Над башней?

— Да Лиз... Какой башней?

— Ну шпиль Дома Советов? Над ним?

— Да не там! Не туда ты смотришь! — и он терял терпение, а она смеялась. — Вот, вот, гляди! Пошел на разворот! Видишь теперь?

— О! — делала большие глаза Лиза.

— Вот, вот! Смотри!

— Ой! Да! Вижу! Как круто!

Поселок находился на возвышении. Далеко впереди, за чернотой леса и бронзовой полоской реки, в еще светлом закатном небе вдруг появились два огненных круга. Темно-багровый — алый — красный — ярко-желтый — они быстро меняли цвет. Дьявольские горошины в пасти темнеющего горизонта. Вдруг круги начали уменьшаться, окрасившись в зловещий бледно-желтый.

— Красиво уходит, — сказал Раф с восхищением. Ни одного не пропускал, каждый вечер смотрел, как с космодрома отправляются перекрывающие горизонт гиганты — «Маршалы-5001», марсианские корабли снабжения. В молодости, еще в армии, Раф видел их вблизи, его инженерное подразделение обслуживало топливные системы таких кораблей. «Маршалы» напоминают кашалотов-переростков с квадратными носами, но благодаря зеркальной поверхности корпусов их трудно заметить в сумеречном небе. Выдавали их только круги работающих термоядерных двигателей.

Лиза ничего не видела и не слышала. Как-то сам по себе из теплого небытия воспоминаний выплыл Дима, короткие счастливые пять лет, когда он бегал здоровым веселым мальчиком... Мать просталась с сыном. Не сразу это осознав, она просталась с ним последние несколько месяцев.

Думала: может быть, глупо было с их стороны не воспользоваться модным ДНК-комбинированием эмбриона или даже технологией ANDRO-C (вынашивание плода специально выращенной репликой матки заказчицы)?

Дима не чудо, Дима простой ребенок. И у него не получилось вырасти здоровым и полноценным. Нужно это принять, нужно это пройти. Дима должен позволить им

двигаться дальше. И тогда... Возможно, как только они друг друга отпустят, появится другой, новый ребенок.

Лизу передернуло от слова «новый», ее утомил нахлынувший поток мыслей, как будто она бежала по топкому лесу, а по щекам хлестали ветки ели.

Стоп. Хватит. Хватит, наконец.

— Лиз... ты мне правда важнее любого ребенка и даже... Димы. Ведь если посчитать, то сколько... — вдруг заговорил Раф, когда Лиза оторвалась от него, чтобы вернуться в дом. — Сколько... нам с тобой осталось? Я имею в виду, жить... по базовой, так сказать, программе...

Лиза нахмурилась, говорить еще и об этом она точно сейчас не хочет.

— Слушай, Раф, я знаю, что подумала... — сказала вдруг отстраненно.

— Так, и... — он напрягся.

Лиза смотрела вдаль, где едва теплилась тонкая, кровавого цвета, полоска заходящего солнца. Раф помедлил и поглядел туда же, но полосы уже не увидел. Ничего, кроме проступающих звезд.

— Рафаэль Владиславович, давай встретим новый год в новом доме? — предложила Лиза решительно и посмотрела ему прямо в глаза. В ее взгляде и голосе было столько боли и вместе с тем — строгой требовательности, что Раф, сбитый с толку таким официальным обращением, невольно кивнул.

Лиза поднялась на носочки, поцеловала его в щеку, шепнула «Спасибо» и необычно легко, как девочка, крутанулась и скользнула в дверь. Но услышав слова мужа, замерла на пороге.

— Я завтра позвоню в Центр, пусть делают реконсервацию, — сказал он.

Освещенная из вагончика, Лиза не двигалась, застыв в дверях, и не поворачивала к мужу голову.

— Я заберу его. Мы похороним Диму. По-человечески, — сказал Раф.

— Хорошо, — согласилась Лиза, отпустила дверь и шагнула в объятия мужа спиной, не оборачиваясь.

РАНО ИЛИ ПОЗДНО

В какой-то момент я начал отрываться от земли, как будто взлетал на воздушном шаре. Только без корзины, сам, вертикально вверх. Оставляя на земле Степаненко. Петра Ильича. Он стоял и смотрел на меня, уменьшаясь на глазах.

Что я чувствовал при этом? Зачем вы спрашиваете? Ужас, ужас, ужас, ужас, ужас. Тот страх, что многократно хуже смерти и самой неистовой боли. Потому что и боль, и смерть понятны, они имеют пределы. Больше скажу, смерть великодушна — она никогда полностью не выйдет из-за дверного косяка, только рука, плечо... А целиком не дастся. Ты будешь мучительно умирать, и вдруг костлявая откинёт полог, ты обернешься взглянуть, но успеешь поймать лишь присутствие, а лица не увидишь...

Мне трудно передать, что я чувствовал, когда начал отрываться от земли, когда мои любимые родители остались там, внизу, а я полетел... И улетел очень высоко. А они остались! Я чувствовал, что могу никогда их больше не увидеть. Это очень, очень больно. Невозможно передать, как.

Лифт поднимал их на высоту семидесяти метров. Завлабораторией доктор медицинских наук Степаненко, сутулый, с маленькой косматой головой и намечающейся подушкой живота, держал за руку своего пациента Антона, невысокого, щедедушного мальчика лет двенадцати на вид. Он смотрел на Петра Ильича снизу вверх. На узком бледном личике, в мелких подслеповатых глазках застыло нечто похожее на подобострастный трепет. Изредка мальчик моргал тонкими, голубоватыми, как у ящериц, веками, не упуская ни слова из того, что говорил ему доктор.

Просторный, похожий на зал с четырехметровыми потолками, грузовой лифт медленно двигался внутри колонны под названием «Станция Первая». На высоте ветер усиливался, раскачивая старую кабину. Доктор и пациент жались в углу. Такой же бело-серый, как и лифт, наверху их ждал состав — три просторных вагона напоминали ангары с узкими, вытянутыми окнами. Поговаривали, что их создавали с учетом возможных военных действий. Целая рота солдат, забаррикадировавшись внутри, могла отстреливаться и долго держать на высоте оборону.

Состав двинулся по монорельсу и, громыхая на стыках, начал набирать скорость. Петр Ильич прижимал к себе хилое тельце мальчика. За пыльным окном, еле видный сквозь заполнивший все пространство туман, медленно проплывал город с его небоскребами и Дворцом Советов со звездой на шпиле. Впереди мелькали начинающие зеленеть луга, кое-где высились модифицированные дубы-гиганты, доходящие почти до линии монорельса, еще дальше металлической полоской блестела змейка реки. Главная экспериментальная лаборатория Советов находилась как раз за ней.

— ...так вот я тебя и спрашиваю, Тох... Как ты думаешь, что самое сложное в этом случае?

Петр Ильич говорил неровным глуховатым голосом, наклонившись, пытаясь заглянуть в глаза Антона, который сосредоточенно хмурился.

— Не знаешь... А ты подумай. Подумай... На самом деле... ничего сложного. В смысле, само-то по себе это сложное, но догадаться не так уж трудно, это я тебе прямо скажу...

Доктор Степаненко засмеялся, да так дробно и резко, что очки в толстой оправе чуть не слетели с маленького носа — пальцем успел поймать.

— Ладно! Ладно! Хорошо! Ничего! Не надо загадок! — кричал он в пустом вагоне.
— Размер, Тоха! Самое сложное в этом деле, что поначалу мы вообще не понимали, как работать с такими размерами!

Антон моргал, изредка покачивая головой.

— Потому что он, размер, он есть... и все! Но... куда его девать? Как хранить? Где помещать? Как обеспечить жизнедеятельность? Где спать? Сидеть! Быть! Да и... все остальное. Понимаешь?

Петр Ильич нагнулся и внимательно посмотрел на Антона.

— Нет, не понимаешь...

И он снова засмеялся, и вдруг мальчик тоже тихонько захихикал, тут же начав задыхаться и подкашливать слабой грудкой, как тщедушный котенок.

— Размеры, размеры в нашем деле самое главное и самое сложное. Потому что мы, хочешь не хочешь, люди... И повсюду бытовые вопросы! А в нашем случае это оборачивается большими проблемами. Как вообще... нормально функционировать...

И он резко замолчал, как будто о чем-то вспомнил.

Боль, которую я испытал, когда оторвался от любимых, оказалась только началом. Потом стало еще хуже. Страшнее. Ведь я продолжал жить. Я изменился, вокруг все изменилось, другим стало пространство и, кажется, даже время... Изменился воздух, солнце, изменился вольер, куда поместили меня... Но главное, я лишился тех, кого любил. Мне так их не хватало! Но как я мог их вернуть? Да, они пытались, да, они писали в разные инстанции, надеялись вызвать резонанс, дойти до руководства корпорации. Но исправить ничего было нельзя. Ничего. А что ты сделаешь? Как вернешь мне меня прежнего? Испытания необратимы.

Я остался один.

Понимаете, что это такое: когда ты совсем один? Конечно, мы виделись. Конечно, мы долго беседовали. Но я даже не мог встать, приподняться. Не мог размять ноги, расправить плечи, пожать руку другу, обнять любимую... А вы что думали? Да, да, у меня была любимая. И ее отняли у меня.

И оставили одного, сидеть и смотреть в крошечное окошко на солнце, а когда оно заходит — во тьму...

Остановившаяся, состав захрохотал, как чудовищных размеров рыцарь доспехами. На платформе «Станция Конечная» ветер дул еще сильнее, здесь, за городом, острее чувствовалась прохлада ранней весны. Петр Ильич подхватил Антона под руки и легко вынес из вагона. Пока поднимался вызванный им лифт, мальчик вцепился в штанину доктора с подветренной стороны. Степаненко смотрел на раскинувшийся под ними в окружении лесов комплекс экспериментальных исследований с его многочисленными корпусами, где располагались кабинеты ученых, офисы, лаборантские, павильоны, хранилища, испытательные площадки, крематории для биоотходов и многое другое.

Территория размером со средний аэропорт была огорожена тройным контуром с вышками, турелями и контрольно-следовой полосой. В центре, на площади в шестьсот квадратных метров, расположился белоснежный одноэтажный ангар с вереницей крошечных окон вдоль стен и с двумя створками едва заметного люка на крыше. Размеры были обманчивы. Внутри приземистого ангара скрывалась литая бетонная емкость

глубиной в 57 метров, а в ней — главный вольер, самое засекреченное и охраняемое место комплекса.

Петр Ильич помнил, что в лесу стоит отдельная воинская часть в полной боевой готовности, вооруженная пулеметами, бронетранспортерами и вертолетами. Он смотрел на ангар, будто пытаясь взглядом проникнуть сквозь крышу.

— Сегодня пойдешь? — осторожно спросил мальчик, поняв по глазам, куда смотрит доктор.

— Сегодня не знаю, — ответил тот.

— Меня возьмешь?

Степаненко потрепал его по жиденькой шевелюре. Они спускались, перспектива складывалась, теряя глубину и размах.

— Посмотрим, — и он развернулся к двери лифта.

Почти приехали.

Кто-то скажет, что мне не хватает мужества, а боль, и идущий за ней по пятам ужас от осознания нового состояния, — следствие паники. Что нужно потерпеть, принять. Возможно. Но все-таки я хочу, чтобы вы сначала оказались на моем месте... Хотя нет, не хочу. Никому не желаю зла.

Не желаю зла ни мышце, ни комару, ни древесному жуку. Но и не желаю смотреть на солнце, а потом его потерять! Смотреть на Петра Ильича, а потом его потерять! Нет! Лучше бы я их всех убил. И солнце. Которое почему. Которое зза. Не против, а зааааа. И я хочу видеть и насссстаивать! В конце-то коннннцов, почему я не должен иметь права — дышать, вставать на ноги ноги ноги ноги? Чртровы озмозолли! Пррррррокая студожь. Ларт. Кариб. Карата. Лурт. Сок. Огонь. Все сгорит и воскреснет.

И сгорит, и воскреснет!

И вовеки аминь!

Нет. Уничтожить. И обрести покой. Веру и покой. Хоп!

Хоп!

Хопана!

Ай-яй-яй! Что такое? Что такое? Где? Где? А?! Я не вижу пепла.

Когда я его разрезал, из него посыпались не кишки, не монеты, а жирные белые черви. И полились густая черная слизь. Начала ла отваливаться комьями. Как будто внутри него копилась грязь. И я освободил грязь.

Хлеб и черви!

Преломить хлеб и черви!

Тобоооооой тобооооооой с тобой тообой тоб

Просторная площадь, тишина, безветрие. «Полтора человека», как метко и зло называли парочку лаборанты, зашагали к стоянке. Легковых челноков опять не было, в последние годы они ломались так часто, что дирекция автопарка комплекса, казалось, решила вообще не выпускать их из ремонтных гаражей. Зато грузовой транспорт почти не ломался (в отличие от легковушек, его строили военные), и когда Степаненко с мальчиком подошли, к ним неспешно подъехал старый, ровно урчащий двигателями тягач. Приземистый, с высокими и широкими колесами, с выдающейся вперед и вверх стеклянной кабиной, он тянул за собой прицеп, напоминающий в три-четыре раза

увеличенный салон автобуса. Такие тягачи называли муравьями, со своими белыми прицепами они и правда напоминали насекомых, которые тащат продолговатые яйца.

— Ну как оно, Ильич? Антоха, не продуло тебя наверху-то? — подмигнул водитель, высунув локоть с закатанным рукавом из окна.

Доктор улыбнулся, мальчик взмахнул тонкой ручкой, и они забрались в просторный салон, пахнувший пылью и застоявшейся дождевой водой.

Створки дверей шлепнули старой задубелой резиной. Водитель дернулся и, сделав от окна четверть оборота вокруг оси, как кукла, с легким покачиванием при остановке, встал лицом к окну, после чего муравей мягко тронулся.

Антон пристегнулся к лавочке, Степаненко встал рядом. Через десять минут они поехали мимо плоского ангара, который вблизи превратился в бесконечно длинную стену. Мальчик увидел, что доктор нервно всматривается в мелкие окошки — ему показалось, что в темной глубине мелькнул оранжевый свет, а это означало, что опять возникла нештатная ситуация, сработала сигнализация.

По лицу доктора прошла судорога, как от боли. Антон недовольно надул губы, схватил его за штанину. Мужчина недоуменно посмотрел на его руку, потом перевел взгляд на самого Антона, словно не узнавая его. И только через секунду очнулся и вымученно улыбнулся.

— Все нормально, Тох. Прости, — сказал он, поняв, что невольно напугал мальчугана.

Глядя на Антона, на его тонкие, расплывшиеся по лавке ножки, анемичную ручку, худое личико с горящими сочувствием глазами, он вдруг с тревогой подумал: а ведь мальчик опять изменился, но чем дальше, тем непонятнее, молодеет он или стареет, ведь Антону в прошлом году исполнилось пятьдесят лет, а сейчас сколько ему — сорок девять или пятьдесят один? И неужели у них не получилось и с этой моделью? Неужели биологическая машина снова дала сбой? Покатилась не туда... непредсказуемо перенаправляя и блокируя возрастные изменения... Несмотря на дополнительное финансирование программы, двухлетнюю работу команды, новые распределительные модули, глубокую перепрошивку базового кода... Господи! Да ведь его срочно нужно тестировать! Он изменился! Что же я делаю? О чем я думаю?! Черт!

Степаненко била мелкая дрожь, он смотрел в глаза Антону, но тот вдруг резко вскочил и бросился к окну. Доктор очнулся, вышел из транса и услышал раскатистый гром. И мысли не возникло, что гремит в небе — слишком хорошо знал Петр Ильич этот характерный металлический грохот, доносившийся из вольера... Знал и Антон, и давно уже без ревности, с мудрым сочувствием относился к любимцу доктора. И к главной его профессиональной неудаче.

Гром не смолкал, казалось, под тягачом вздрагивает земля. Степаненко посмотрел на ангар, из окон которого теперь отчетливо доносился вой сирены, но тут же отвернулся, опустил голову, потом бросил взгляд на Антона, и его лицо расправилось, просветлело, несмотря на нарастающий грохот, будто сопротивляясь подступающей боли.

— Да, да, вот так, вот так... А что, Тох, хорошо все-таки быть маленьким? — и он через силу засмеялся.

Антон улыбнулся, догадываясь, какой ценой даются Петру Ильичу попытки шутить. Снова послышался грохот, он участился, стал четче, словно где-то совсем рядом, под ними, ломали дверь размером с двадцатиэтажный дом, и она стонала, гудела, трещала и разлеталась в щепки...

На мгновение шум прервался, и донесся рев, утробный, животный, и непонятно, чего было в нем больше — жалобы или злобы. Рев сменился гулким бормотанием, разбитым на отдельные звуки и резкие выкрики неразборчивых фраз.

Не раз Антон потом спрашивал себя, зачем он задал тогда Петру Ильичу этот вопрос, что им двигало? Внезапный приступ ревности? Подлое любопытство? Простое желание отвлечь близкого человека от нехороших предчувствий? Или... собственный страх?

— Это уже третий приступ... Что с ним теперь будет? — спросил Антон, глядя Степаненко прямо в глаза.

Доктор не отвернулся, не засмеялся; он смотрел на Антона, едва заметно сощурился глазами.

— А ты как думаешь? — спросил Степаненко.

— Его усыпят?

— Да, — вдруг сказал доктор холодно, жестко и с ужасом поймал себя на желании продолжить фразу: «Как и тебя, Антон. Как и тебя. Рано или поздно».

Но он сдержался.

Представьте, что на дне океана, где царят тьма, холод и мрак, а давление настолько высокое, что нет ничего живого, вдруг появляется глоток воздуха, серебристый изнутри комочек, величиной с детский кулак. И вот он собирается подняться на поверхность, но вдруг нижняя часть его цепляется за камни, а верхняя часть, походя на медузу, отрывается и поднимается...

Так и лицо его разорвалось и полетело, словно пузырь воздуха, словно светящийся демон. Лицо начало подниматься, и снизу впилось в меня острыми нитями металлической сетки, проникло внутрь и начало двигаться вверх и вверх, разрывая органы, сочленения костей, поднимаясь к горлу... Пока не вырвалось наружу с брызгами крови, вышло и посмотрело на меня и сказала мне — лицо в виде висящей капли воды, окровавленное и забрызганное гноем лицо, — сказала:

Я родился.

И сразу наступила мягкая приятная темнота.

Я замолчал и обмяк. Я погиб и смирился.*

---

*Запись электромагнитно-вербальной активности изъята из памяти ЦНС-чипа, обработана и предоставлена Отделом лингвистической дешифровки и вербализации Главной экспериментальной лаборатории Советов России.

Опытная модель «Большого человека», генный проект роста ИС-2, серия VG-II, доп. №733-1.

Вольер центрального ангара Главного экспериментального комплекса.

Дата: 16.03.2804 г.

Совершенно секретно.

ПАРК ЖЕЛАНИЙ

Первое время они ехали молча. Отец держал спину прямо, но сидел неудобно, прислонившись к окну плечом, как поваленное ветром дерево. Лицо серое, морщинистое, как из мятой бумаги. Глаза со стальным отблеском, и взгляд — куда-то далеко вперед, туда, где сужается перспектива, и одновременно — внутрь себя, куда-то глубоко под поверхность глаза.

— О чем думаешь, пап? — спросил Саша и виновато улыбнулся.

Отец не отвечал, кажется, все сильнее вытягивая спину. Машину тихо качнуло. Они съехали с континентальной трассы шириной в полкилометра, и сразу началась шестиполосная бетонка. Без хищных роботов-полицейских со слепящими стробоскопами, без дронов с щупальцами принудительной остановки. Здесь было пусто. Знаменитая дорога из белоснежного камня вела в «Парк желаний», самый большой в стране, раскинувшийся на тысячи гектаров.

— А что мне думать? Я уж все подумал, Сашк. Все мысли передумал... — сказал отец бесцветным голосом.

— Прямо все? Ни одной не оставил? — весело отозвался Саша.

— Веришь? Ни одной!

И отец улыбнулся, посмотрев на сына, и бледное лицо его засветилось.

— Ты лучше скажи, как там твоя Мэри? — в голос отца мгновенно вернулась отстраненность, он посмотрел в окно.

— Да как... Все хорошо. Правда, я не видел ее... сколько уже... — растерялся Саша, и помолчав, добавил: — Она давно не «моя Мэри», пап.

— Эх вы! Ребятки, — отец вздохнул и вдруг нырнул вперед, как будто хотел ударить грудью торпеду автомобиля — это Саша резко затормозил.

— Пап! Опять ты не пристегиваешься? Так я тебя ничему и не научил?

Он сказал это дрогнувшим, обиженным голосом. Выскочил из машины и зашагал к зданию в форме купола, похожему на небольшую юрту из белого камня в окружении изящных арок, устремленных в небо. В «Парке желаний» все постройки, ограды и декоративные элементы отличались плавностью линий и были сферической, овальной или круглой формы.

Сияющая лаком дверная панель исчезла перед ним и тут же восстановилась у него за спиной. Помещение внутри было во много раз больше, чем снаружи — широкий коридор с умывальниками и кабинками туалетов уходил вдаль, как будто здесь ждали целую армию.

Саша протянул к умывальнику руки, шторка отошла, вода мгновенно облепила ладони и заструилась по коже. Он поднял голову и вздрогнул. Он увидел в зеркале отца. Вместо себя — отца. Настолько они похожи. А ведь батя старше на двадцать лет... Целых двадцать лет? Или всего лишь двадцать лет?

— Не плакать. Сашка, не плаа... ч-щц...

Зашипел, зажмурился, рот предательски скривило, но только на мгновение. Он справился. Нахмурился, с деланной твердостью посмотрел себе в глаза, постоял так, не думая, запрещая себе думать, нагнетая в душе глухую мрачную решимость, наконец, взмахом ладони задержал дезинфицирующую шторку на умывальнике, и быстро вышел.

Отец сидел в машине и плакал. Он не смущался этого, не вытирал слез. Смотрел, как вдалеке изгибаются тонкие шпили башен, расплывается и рвется дорога, болезненно кривится идущий к машине высокий и так исхудавший за последние месяцы сын...

— Пап, не плачь, пожалуйста. Так только тяжелее... — Саша махнул рукой перед сенсорной панелью — магнитный ремень опоясал его, прижал.

Машина заурчала, он хотел было поехать, но вдруг подался к отцу — сунул правую руку ему за спину, притянул к себе, сильно, грубо, левой схватил за затылок — и прижал голову, и прильнул сам щекой, плечом — в салоне обниматься неудобно и даже больно.

— Папк... я люблю тебя, знай это. Главное, знай это... Ладно? — прошептал хрипло, сдавленно.

— И я тебя... и я тебя, сыы... н... — и отец точно так же, как Саша у зеркала, зажмурился и подавил в себе подступившую слабость.

— Держись, пап! Только держись! — шептал сын и как-то дико улыбался. — Скоро будем на месте.

Саша поехал, ощутил на щеке влагу, но не стал вытирать.

Бетонка была пустая, слева и справа виднелось ровно выстриженное поле. Его покрывала модифицированная трава, выведенная специально для таких мест — темно-зеленая с фиолетово-бордовым переливающимся оттенком. Дорога уходила вглубь территории парка на добрые две сотни километров и постоянно достраивалась. Попытавшись доехать до конца, можно было встретить пяток здоровенных, похожих на древних ящеров бетономешалок-укладчиков, дюжину дорожных роботов на массивных оранжевых, забрызганных раствором, ногах, да отряд прокопченных солнцем хмурых работников с жесточайшего похмелья, норовящих стрельнуть пару продуктовых жетонов.

Спустя десять минут въехали в огороженную зону парка — через ворота в виде гигантской вытянутой вверх, как огонь свечи, арки; одной стороной она не доходила до земли пару метров, обрывалась. Стотонная конструкция держалась на тонкой ножке из специального сплава, создавая эффект волшебства, чуда... Саша уже был здесь, не так давно он привозил сюда маму, а потому не смотрел по сторонам. Зарезервированная под процедуру кабина и выкупленное рядом место находились на двадцать первом километре.

Он не выдержал где-то на девятнадцатом, когда стала отчетливо видна башня и упирающийся в небо тонкий белый шпиль, из которого, как из трубы, тянулась струйка сероватого дыма — он медленно уходил вверх, расширяясь, напоминая перевернутую пирамиду. Саша сильно закашлялся, а потом, без паузы, как-то жалобно и по-детски захныкал.

— Сашк, не надо. Не надо... Я не выдержу... Держись. — отец тряхнул головой и положил на его колено руку.

— Я... я не специально... — слезы крупные, мутные, бежали одна за другой, сталкиваясь, сливаясь. — Прости, прости... Не буду... — Саша положил руку на руку отца, почувствовав ладонью разбухшие вены и крупные костяшки, другой — крутанул руль, и машина вылетела на гравийную, с вкраплениями цветного стекла, узкую однополосную дорогу.

Впереди показалась цель их поездки. На просторной площадке стояла кабинка, три метра высотой, два на два в основании, со скругленными наверху углами, покрытая толстым слоем благородной металлокерамики глубокого синего цвета с фиолетовым отливом. Это был конец маршрута.

Отец и сын долго смотрели на кабинку. Затем Саша открыл дверь, и они вышли из автомобиля. Обнялись у капота. И долго стояли с закрытыми глазами, соединившись прохладными лбами — как будто каждый опирался на другого. Молча, тихо, в последний раз. Только легкий ветерок поглаживал короткую шерсть травы, и она переливалась фиолетовым, и выглядела торжественно и печально.

На экране навигатора выезд из парка казался крошечным пирсом в безбрежном океане — огромное пространство растекалось однообразным зеленым пятном, а съезд с бетонки на трассу был клапаном, через который только и мог сбежать автомобиль.

Он выехал, и надпись поползла к границе экрана все быстрее и быстрее. Здесь это место обозначалось не так, как привыкли называть его в народе, а официально — «Парк последних желаний. Всероссийский центр самоэвтаназии».

Еще немного прибавить скорости — и навигатор начнет брэнчать монетами, списывая штрафы за превышение. Но ему было все равно — он вдавил педаль акселератора в пол. Руки крепко держали руль, щеки высохли, от слез не осталось и следа. Отец сидел за рулем машины сына прямо, как жердь, и лицо его было серое и морщинистое, как мятая бумага. Постаревшее за пару часов на несколько лет.